

Ши Цзинь уже некоторое время пытался связаться со своим третьим братом, но тот не отвечал на звонки и игнорировал текстовые сообщения. Поскольку меры безопасности в закрытом коттеджном поселке, где жил Жун Чжоучун, были очень строгими, и посетителей не пускали без разрешения, Ши Цзинь даже не стал утруждать себя походом к главному входу — они со Вторым Гуа просто перелезли через стену.

— Откуда ты узнал, что здесь слепая зона камер? — ошеломленно спросил Второй Гуа.

— Я уже проверял это место раньше, — глазом не моргнув солгал Ши Цзинь, отряхивая пыль с одежды. Он потратил пару секунд, чтобы сориентироваться, а затем повел Второго Гуа в самый дальний угол поселка.

Второй Гуа не усомнился в его словах. Он последовал за ним и спросил:

— Жун Чжоучун не отвечает на телефон. Ты уверен, что он здесь?

— Если его нет, мы вернемся позже, — ответил Ши Цзинь тоном бандита, выбивающего долги.

Второй Гуа поднял бровь:

— И снова полезем через стену?

— Если он всё так же не будет брать трубку, то нам придется это сделать, не так ли? — невозмутимо ответил Ши Цзинь.

Второй Гуа показал ему большой палец.

Добравшись до самого тихого и отдаленного района поселка, Ши Цзинь остановился перед виллой с небольшим двориком и нажал на кнопку звонка у ворот.

Спустя долгое мгновение экран домофона загорелся, и из динамика раздался голос Жун Чжоучуна:

{Кто там?}

Ши Цзинь придвинул лицо ближе к камере.

Домофон замолчал на несколько секунд, затем отключился, и дверь во двор отперлась с тихим щелчком. Ши Цзинь толкнул её, но прежде чем он успел войти, Второй Гуа остановил его, позволив пройти только после того, как быстро осмотрелся.

Входная дверь виллы тоже оказалась не заперта. Жун Чжоучун в ночном халате сидел на диване лицом ко входу. Вид у него был ленивый, а волосы немного растрепаны, словно он только что встал с постели. Увидев вошедшего Ши Цзиня, он раздраженно спросил:

— Зачем пришел?

Ши Цзинь давно ожидал от него подобного отношения, поэтому проигнорировал эти слова и сел напротив. Положив на журнальный столик подушку-огурец, он сказал:

— Я возвращаю это тебе.

В книге Жун Чжоучун был тем братом, чье отношение к Ши Цзиню изменилось наиболее очевидно. Хотя при жизни отца он и проявлял заботу об оригинальном «Ши Цзине», на самом

деле он не слишком о нем пёкся. Обычно он лишь подкидывал ему немного денег в качестве подарка, а в большинстве случаев даже не утруждал себя ответами на его звонки. Однако после смерти Ши Синжун он стал первым братом, который перестал притворяться. Он больше не скрывал своего нетерпения и неприязни к «Ши Цзиню» и использовал любую возможность, чтобы вонзить нож глубже, сказав что-нибудь обидное — а язык у Жун Чжоучуна был на редкость ядовитым.

Жун Чжоучун взглянул на подушку и спросил:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Когда ты дарил её мне, то сказал, что хочешь, чтобы она напоминала мне о том, что нужно есть больше овощей и не привередничать в еде, иначе я растолстею и перестану быть красивым. — И лицо, и голос Ши Цзиня были лишены всяких эмоций. — Но теперь, когда я всё хорошенько обдумал, я понял, что это была ложь — ты подарил её мне назло.

Жун Чжоучун поднял брови и оглядел Ши Цзиня с ног до головы. Внезапно он улыбнулся, но улыбка эта была неприятной:

— Никогда не думал, что настанет день, когда эта свинья начнет пользоваться мозгами. Старший брат был прав, ты и впрямь изменился.

Услышав это, Ши Цзинь почувствовал, как екнуло сердце — эти слова дали ему понять, что Ши Вэйчун и Жун Чжоучун обсуждали его.

— Да, я действительно был глуп, как свинья. Вы со старшим братом были такими лицемерными и фальшивыми, а я ничего не подозревал. — Ши Цзинь самоиронично усмехнулся, но его лицо быстро снова стало ничего не выражающим, и он продолжил жестким тоном: — К счастью, я не слишком поздно осознал правду.

Жун Чжоучун состроил лицо в духе «Ну и что? И что ты собираешься с этим делать?» и жестом показал Ши Цзиню, чтобы тот потирали плечо и заканчивал то, что хотел сказать. Его взгляд был снисходительным и полным отвращения, к которому примешивалась лишь толика жалости.

Ши Цзинь поднял на него глаза, с минуту понаблюдал за ним, а затем серьезно спросил:

— Ты действительно никогда не считал меня своим братом?

Жун Чжоучун громко рассмеялся, как будто услышал отличную шутку.

Ши Цзинь нахмурился и продолжил расспросы:

— Тогда все те подарки, которые ты дарил мне в прошлом...

— Старший брат просил кого-то помогать с выбором. — Откровенные слова Жун Чжоучуна должны были вонзиться Ши Цзиню прямо в сердце. — Я сам выбрал только один подарок — подушку, и ты уже знаешь причину.

Ши Цзинь: «...» С чего бы вдруг мне кажется, что Жун Чжоучуну и впрямь не помешала бы хорошая трепка?

— Закончил? Если это всё, о чем ты хотел поговорить, то проваливай, у меня нет ни времени,

ни желания играть с тобой в «двадцать вопросов». — Жун Чжоучун встал и направился к двери, не забыв выбросить подушку-огурец в мусорное ведро рядом с диваном.

Второй Гуа всё это время молча слушал, но, увидев это, помрачнел в лице и шагнул вперед, чувствуя, что Ши Цзинь не заслуживает такого обращения. Неожиданно в этот момент Ши Цзинь достал пистолет и направил его на Жун Чжоучуна.

— Сядь, я еще не закончил, — ледяным тоном произнес он.

Второй Гуа замер на месте и посмотрел на Ши Цзиня. Увидев его напряженное лицо, он нахмурился и молча отступил назад, заодно задвинув шторы и заперев входную дверь, проходя мимо нее.

Жун Чжоучун остановился, а затем попятился. Он бросил взгляд на пистолет в руке Ши Цзиня и с насмешливой улыбкой сказал:

— Ты это серьезно? Кого ты собрался напугать этой игрушкой?

Бах.

Не успел он и глазом моргнуть, как Ши Цзинь выстрелил в мусорное ведро рядом с диваном, разнеся его на куски.

— А вот это уже немного интересно. — Жун Чжоучун снова сел с улыбкой на лице, но взгляд его был ледяным. Он вздернул подбородок и произнес: — Теперь мне и впрямь хочется узнать, насколько сильно ты изменился.

— Я не сильно изменился, я просто стал другим человеком, — Ши Цзинь убрал пистолет, одновременно спрашивая Сяо Сы: — Моя шкала прогресса выросла?

<Нет, она всё еще на отметке 900,> — ответил Сяо Сы.

Никаких изменений?

Ши Цзинь был немного удивлен. Жун Чжоучун славился своей мстительностью и мелочностью, но при этом он не преисполнился жадой убийства после того, как ему угрожали пистолетом? Или, возможно, сдерживающий эффект «золотого бедра» Ши Цзиня был слишком силен?

Он не мог в этом разобраться, поэтому решил пойти немного дальше.

Он уставился на Жун Чжоучуна и продолжил допрос:

— Ты специально выложил видео с танцем? Ты меня тогда узнал?

Жун Чжоучун не ожидал такого вопроса. Он бросил взгляд на лицо Ши Цзиня, всем своим видом показывая, как ему скучно.

— Лишь подозревал. Этот пост нужен был мне, чтобы собрать побольше видео.

— Как ты меня узнал? — Именно это ставило Ши Цзиня в тупик больше всего.

Жун Чжоучун усмехнулся:

— А я только подумал, что ты поумнел. Ши Цзинь, неужели ты не понимаешь, как сильно вы с

матерью похожи?

Мать оригинального «Ши Цзиня»? Причина крылась в этом?

Ши Цзинь был потрясен и слегка нахмурился. В оригинальном романе очень мало говорилось о предыдущем поколении. Ши Синжуй умер в самом начале; что касается матерей пятерых братьев, они практически не появлялись вообще. Мать «Ши Цзиня» умерла вскоре после его рождения, и дома не было ни одной её фотографии, поэтому он даже не знал, как она выглядит. Ши Цзинь, унаследовавший его память, естественно, тоже этого не знал.

И всё же Жун Чжоучун утверждал, что «Ши Цзинь» очень похож на свою мать. Значило ли это, что он встречался с ней?

Ши Цзинь был почти уверен, что да, поэтому задал этот вопрос.

Лицо Жун Чжоучуна немного смягчилось. Он ответил с ноткой грусти:

— Конечно, встречал. На самом деле, с ней встречались все, кроме тебя. Ши Синжуй был настолько самодовольным, что, когда ему нравилась какая-нибудь женщина, он заставлял всех приходить и смотреть на неё... Ты наконец закончил со своими вопросами? Тогда проваливай, мне еще нужно доспать свое.

Инстинкты подсказывали Ши Цзиню, что это еще не всё, и что Жун Чжоучун, похоже, чего-то избегает. Он хотел расспросить подробнее, но, судя по нетерпеливому виду собеседника, он ничего бы от него не добился, поэтому пока подавил эту мысль и решил следовать первоначальному плану.

— Третий брат, ты мне завидуешь.

— Что? — Жун Чжоучун выглядел так, будто услышал абсолютную нелепицу, его меланхолия исчезла без следа. Нахмурившись, он уставился на Ши Цзиня как на сумасшедшего.

— Ты завидовал любви отца ко мне и тому, что он держал меня рядом с собой. Я слышал от старой экономки, что до моего рождения ты был любимцем отца. Третий брат, каково это было — когда я отнял у тебя всё? И еще хуже было от того, что тебе приходилось лебезить передо мной, чтобы заслужить благосклонность отца, не так ли? Отец баловал меня, в то время как тебе приходилось вкалывать в индустрии развлечений, и даже когда ты наконец стал таким знаменитым, отец ни разу на тебя даже не взглянул. Когда СМИ обсуждают твоё прошлое, они всегда говорят, что твой отец неизвестен... Неужели ты не знаешь, как сильно твои враги смеются над тобой из-за этого?

Это явно разозлило Жун Чжоучуна. Он вскочил с дивана и крикнул:

— Ши Цзинь, тебе лучше заткнуться!

— С какой стати мне затыкаться? Ты больше десяти лет играл роль моего любящего брата и без зазрения совести растоптал мне сердце, а теперь говоришь мне заткнуться?! — Ши Цзинь встал, подался вперед, схватил Жун Чжоучуна за воротник, а затем посмотрел ему в глаза и произнес полным отвращения голосом: — Ты насмеялся надо мной каждый раз, когда я звонил тебе из-за того, что волновался? Каждый год я изо всех сил старался сделать тебе отличный подарок на день рождения — ты их тоже выбрасывал в мусорное ведро, как эту подушку? Я так ждал твоих визитов, твоих звонков, пары добрых слов от тебя, но вы все интриговали у меня за спиной, обманывали меня, смеялись надо мной, строили против меня

козни. Жун Чжоучун, у нормальных людей в груди бьется сердце, но вы, ребята, другие — у вас в груди спрятаны ножи, полные убийственной ненависти, и всё же у вас не хватает духу ударить человека, который вас подвел, вместо этого вы снова и снова целитесь в меня! Вы просто ничтожные трусы!

— Да что ты знаешь! — Жун Чжоучун был в ярости. Он схватил Ши Цзиня за руку, державшую его воротник, заставил отпустить и оттолкнул назад. — Хватит строить из себя невинность, ты, чертова свинья! Я, может, и не хороший брат, но ты-то чем лучше? Говоришь так, будто ты такой жалкий и благородный, думаешь, мы не знаем, чему тебя учил этот старый ублюдок? «Эти пять человек — тебе не братья, а слуги, которых папочка для тебя воспитал. Тебе не нужно искренне заботиться о них, просто притворяйся, что хорошо к ним относишься», — знакомые слова? А ты ответил: «Я знаю, папочка» — помнишь еще об этом?

Ши Цзинь, который только что проанализировал сюжет и порылся в памяти оригинального «Ши Цзиня», тут же вспомнил, когда состоялся этот разговор. Он недоверчиво спросил:

— Вы восприняли это всерьез? Мне было девять! Неужели вы всё это время держали на меня зло из-за этого?

— Значит, помнишь! — Жун Чжоучун, казалось, счел это достаточным доказательством, чтобы обесценить все слова Ши Цзиня, заорав: — Скройся с глаз моих прямо сейчас! Я, должно быть, рехнулся сегодня, раз позволил тебе войти!

Ши Цзинь еще не достиг цели, ради которой пришел, поэтому, конечно же, не позволил бы себя выставить. Увидев, что его шкала прогресса всё еще не растет, он решил пойти ва-банк и нанес удар по красивому лицу Жун Чжоучуна, зарывчав:

— И когда это я относился к тебе как к слуге, ты, мудак! Это ты всегда вел себя высокомерно и обращался со мной как с грязью!

Получив удар, Жун Чжоучун на мгновение остолбенел, а затем пришел в ярость и ударил в ответ:

— Похоже, ты ищешь смерти!

И они принялись мутузить друг друга. Но хотя драка выглядела действительно ожесточенной, они совершенно не использовали никаких боевых навыков, а просто выплескивали свои эмоции, словно дети. Второй Гуа, потеряв дар речи, наблюдал за этим издали. Прислонившись к стене, он решил просто посмотреть спектакль.

Потасовка длилась десять минут. Как бы ни был взбешен Жун Чжоучун, он не мог одолеть Ши Цзиня, прошедшего боевую подготовку. В конце концов Ши Цзиню удалось прижать его лицом к полу, заставив потерять последние остатки достоинства.

— Ши Цзинь, я убью тебя! — в гневе процедил он.

— Тогда сделай это! — Ши Цзинь перевернул его, вытащил пистолет и вложил его в руку Жун Чжоучуна, а затем вытянул шею и сказал: — Вот моё сердце, вот трахея, давай, сделай это, убей меня прямо сейчас!

Вынужденный сжать пистолет, Жун Чжоучун прожигал Ши Цзиня взглядом, крепко стиснув челюсти. Внезапно его хватка ослабла, и пистолет со стуком упал на пол. Он сильно толкнул Ши Цзиня, сбрасывая его с себя, и сквозь зубы процедил:

— Ты абсолютно ненормальный! А теперь проваливай, и больше никогда не появляйся у меня на глазах!

Ши Цзинь позволил себе упасть на пол и замер, мысленно спросив Сяо Сы:

— Что со шкалой прогресса?

Сяо Сы был напуган почти до смерти самоубийственными действиями Ши Цзиня, но в его дрожащем голосе слышались нотки замешательства и недоверия:

<Цзинь-Цзинь, твоя шкала прогресса упала до 890.>

Ши Цзинь:

— А?

<http://bllate.org/book/18125/1743992>